

Алан Александр Милн

Винни Пух и Все-Все-Все

ГЛАВА ПЕРВАЯ,
В КОТОРОЙ МЫ ЗНАКОМИМСЯ С ВИННИ-ПУХОМ И НЕСКОЛЬКИМИ ПЧЕЛАМИ

Ну вот, перед вами Винни-Пух. Как видите, он спускается по лестнице вслед за своим другом Кристофером Робин, головой вниз, пересчитывая ступеньки собственным затылком: бум-бум-бум. Другого способа сходить с лестницы он пока не знает. Иногда ему, правда, кажется, что можно бы найти какой-то другой способ, если бы он только мог на минутку перестать бумкать и как следует сосредоточиться. Но, увы, – сосредоточиться-то ему и некогда. Как бы то ни было, вот он уже спустился и готов с вами познакомиться.

– Винни-Пух. Очень приятно!

Вас, вероятно, удивляет, почему его так странно зовут, а если вы знаете английский, то вы удивитесь еще больше.

Это необыкновенное имя подарил ему Кристофер Робин. Надо вам сказать, что когда-то Кристофер Робин был знаком с одним лебедем на пруду, которого он звал Пухом. Для лебедя это было очень подходящее имя, потому что если ты зовешь лебедя громко: "Пу-ух! Пу-ух!" – а он не откликается, то ты всегда можешь сделать вид, что ты просто понарошку стрелял; а если ты звал его тихо, то все подумают, что ты просто подул себе на нос. Лебедь потом куда-то делся, а имя осталось, и Кристофер Робин решил отдать его своему медвежонку, чтобы оно не пропало зря.

А Винни – так звали самую лучшую, самую добрую медведицу в зоологическом саду, которую очень-очень любил Кристофер Робин. А она очень-очень любила его. Ее ли назвали Винни в честь Пуха, или Пуха назвали в ее честь – теперь уже никто не знает, даже папа Кристофера Робина. Когда-то он знал, а теперь забыл.

Словом, теперь мишку зовут Винни-Пух, и вы знаете почему.

Иногда Винни-Пух любит вечером во что-нибудь поиграть, а иногда, особенно когда папа дома, он больше любит тихонько посидеть у огня и послушать какую-нибудь интересную сказку.

В этот вечер...

– Папа, как насчет сказки? – спросил Кристофер Робин.

– Что насчет сказки? – спросил папа.

– Ты не мог бы рассказать Винни-Пуху сказочку? Ему очень хочется!

– Может быть, и мог бы, – сказал папа. – А какую ему хочется и про кого?

– Интересную, и про него, конечно. Он ведь у нас ТАКОЙ медвежонок!

– Понимаю, – сказал папа.

– Так, пожалуйста, папочка, расскажи!

– Попробую, – сказал папа.

И он попробовал.

Давным-давно – кажется, в прошлую пятницу – Винни-Пух жил в лесу один-одинешенек, под именем Сандерс.

– Что значит "жил под именем"? – немедленно спросил Кристофер Робин.

– Это значит, что на дощечке над дверью было золотыми буквами написано "Мистер Сандерс", а он под ней жил.

– Он, наверно, и сам этого не понимал, – сказал Кристофер Робин.

– Зато теперь понял, – проворчал кто-то басом.

– Тогда я буду продолжать, – сказал папа.

Вот однажды, гуляя по лесу, Пух вышел на полянку. На полянке рос высокий-превысокий дуб, а на самой верхушке этого дуба кто-то громко жужжал: жжжжжжж...

Винни-Пух сел на траву под деревом, обхватил голову лапами и стал думать.

Сначала он подумал так: "Это – жжжжжж – неспроста! Зря никто жужжать не станет. Само дерево жужжать не может. Значит, тут кто-то жужжит. А зачем тебе жужжать, если ты – не пчела? По-моему, так!"

Потом он еще подумал-подумал и сказал про себя: "А зачем на свете пчелы? Для того, чтобы делать мед! По-моему, так!"

Тут он поднялся и сказал:

– А зачем на свете мед? Для того, чтобы я его ел! По-моему, так, а не иначе!

И с этими словами он полез на дерево.

Он лез, и лез, и все лез, и по дороге он пел про себя песенку, которую сам тут же сочинил. Вот какую:

Мишка очень любит мед!

Почему? Кто поймет?

В самом деле, почему

Мед так нравится ему?

Вот он влез еще немножко повыше... и еще немножко... и еще совсем-совсем немножко повыше... И тут ему пришла на ум другая песенка-пыхтелка:

Если б мишки были пчелами,

То они бы нипочем

Никогда и не подумали

Так высоко строить дом;

И тогда (конечно, если бы

Пчелы-это были мишки!)

Нам бы, мишкам, было незачем

Лазить на такие вышки!

По правде говоря, Пух уже порядком устал, поэтому Пыхтелка получилась такая жалобная. Но ему осталось лезть уже совсем-совсем-совсем немножко. Вот стоит только влезть на эту веточку – и...

ТРРАХ!

– Мама! – крикнул Пух, пролетев добрых три метра вниз и чуть не задев носом о толстую ветку.

– Эх, и зачем я только... – пробормотал он, пролетев еще метров пять.

– Да ведь я не хотел сделать ничего плох... – попытался он объяснить, стукнувшись о следующую ветку и перевернувшись вверх тормашками.

– А все из-за того, – признался он наконец, когда перекувырнулся еще три раза, пожелал всего хорошего самым нижним веткам и плавно приземлился в колючий-преколючий терновый куст, – все из-за того, что я слишком люблю мед! Мама!..

Пух выкарабкался из тернового куста, вытащил из носа колючки и снова задумался. И самым первым делом он подумал о Кристофере Робине.

– Обо мне? – переспросил дрожащим от волнения голосом Кристофер Робин, не смея верить такому счастью.

– О тебе.

Кристофер Робин ничего не сказал, но глаза его становились все больше и больше, а щеки все розовели и розовели.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Итак, Винни–Пух отправился к своему другу Кристоферу Робину, который жил в том же лесу, в доме с зеленой дверью.

- Доброе утро, Кристофер Робин! – сказал Пух.
- Доброе утро, Винни–Пух! – сказал мальчик.
- Интересно, нет ли у тебя случайно воздушного шара?
- Воздушного шара?
- Да, я как раз шел и думал: "Нет ли у Кристофера Робина случайно воздушного шара?" Мне было просто интересно.
- Зачем тебе понадобился воздушный шар?

Винни–Пух оглянулся и, убедившись, что никто не подслушивает, прижал лапу к губам и сказал страшным шепотом:

- Мед.
- Что–о?
- Мед! – повторил Пух.
- Кто же это ходит за медом с воздушными шарами?
- Я хожу! – сказал Пух.

Ну, а как раз накануне Кристофер Робин был на вечере у своего друга Пятачка, и там всем гостям дарили воздушные шарики. Кристоферу Робину достался большущий зеленый шар, а одному из Родных и Знакомых Кролика приготовили большой–пребольшой синий шар, но этот Родственник и Знакомый его не взял, потому что сам он был еще такой маленький, что его не взяли в гости, поэтому Кристоферу Робину пришлось, так и быть, захватить с собой оба шара – и зеленый и синий.

– Какой тебе больше нравится? – спросил Кристофер Робин.

Пух обхватил голову лапами и задумался глубоко–глубоко.

– Вот какая история, – сказал он. – Если хочешь достать мед – главное дело в том, чтобы пчелы тебя не заметили. И вот, значит, если шар будет зеленый, они могут подумать, что это листик, и не заметят тебя, а если шар будет синий, они могут подумать, что это просто кусочек неба, и тоже тебя не заметят. Весь вопрос – чему они скорее поверят?

– А думаешь, они не заметят под шариком тебя?

– Может, заметят, а может, и нет, – сказал Винни–Пух. – Разве знаешь, что пчелам в голову придет? – Он подумал минутку и добавил: – Я притворюсь, как будто я маленькая черная тучка. Тогда они не догадаются!

– Тогда тебе лучше взять синий шарик, – сказал Кристофер Робин.

И вопрос был решен.

Друзья взяли с собой синий шар, Кристофер Робин, как всегда (просто на всякий случай), захватил свое ружье, и оба отправились в поход.

Винни–Пух первым делом подошел к одной знакомой луже и как следует вывалялся в грязи, чтобы стать совсем–совсем черным, как настоящая тучка. Потом они стали надувать шар, держа его вдвоем за веревочку. И когда шар раздулся так, что казалось, вот–вот лопнет, Кристофер Робин вдруг отпустил веревочку, и Винни–Пух плавно взлетел в небо и остановился там – как раз напротив верхушки пчелиного дерева, только немного в стороне.

- Ураааа! – закричал Кристофер Робин.
- Что, здорово? – крикнул ему из поднебесья Винни–Пух. – Ну, на кого я похож?
- На медведя, который летит на воздушном шаре!
- А на маленькую черную тучку разве не похож? – тревожно спросил Пух.
- Не очень.

– Ну ладно, может быть, отсюда больше похоже. А потом, разве знаешь, что придет пчелам в голову!

К сожалению, ветра не было, и Пух повис в воздухе совершенно неподвижно. Он мог чують мед, он мог видеть мед, но достать мед он, увы, никак не мог.

Спустя некоторое время он снова заговорил.

- Кристофер Робин! – крикнул он шепотом.
- Чего?
- По–моему, пчелы что–то подозревают!
- Что именно?
- Не знаю я. Но только, по–моему, они ведут себя подозрительно!
- Может, они думают, что ты хочешь утащить у них мед?
- Может, и так. Разве знаешь, что пчелам в голову придет!

Вновь наступило недолгое молчание. И опять послышался голос Пуха:

- Кристофер Робин!
  - Что?
  - У тебя дома есть зонтик?
  - Кажется, есть.
  - Тогда я тебя прошу: принеси его сюда и ходи тут с ним взад и вперед, а сам поглядывай все время на меня и приговаривай: "Тц–тц–тц, похоже, что дождь собирается!" Я думаю, тогда пчелы нам лучше поверят.
- Ну, Кристофер Робин, конечно, рассмеялся про себя и подумал: "Ах ты, глупенький мишка!" – но вслух он этого не сказал, потому что он очень любил Пуха.
- И он отправился домой за зонтиком.
- Наконец–то! – крикнул Винни–Пух, как только Кристофер Робин вернулся. – А я уже начал беспокоиться. Я заметил, что пчелы ведут себя совсем подозрительно!
  - Открыть зонтик или не надо?
  - Открыть, но только погоди минутку. Надо действовать наверняка. Самое главное – это обмануть пчелиную царицу. Тебе ее оттуда видно?
  - Нет.
  - Жаль, жаль. Ну, тогда ты ходи с зонтиком и говори: "Тц–тц–тц, похоже, что дождь собирается", а я буду петь специальную Тучкину Песню
  - такую, какую, наверно, поют все тучки в небесах... Давай!
- Кристофер Робин принялся расхаживать взад и вперед под деревом и говорить, что, кажется, дождь собирается, а Винни–Пух запел такую песню:

Я Тучка, Тучка, Тучка,
А во все не медведь,
Ах, как приятно Тучке
По небу лететь!

Ах, в синем-синем небе
Порядок и уют -
Поэтому все Тучки
Так весело поют!

Но пчелы, как ни странно, жужжали все подозрительнее и подозрительнее. Многие из них даже вылетели из гнезда и стали летать вокруг Тучки, когда она запела второй куплет песни. А одна пчела вдруг на минутку присела на нос Тучки и сразу же снова взлетела.

- Кристофер – ай! – Робин! – закричала Тучка.
- Что?
- Я думал, думал и наконец все понял. Это неправильные пчелы!
- Да ну?
- Совершенно неправильные! И они, наверно, делают неправильный мед, правда?
- Ну да?
- Да. Так что мне, скорей всего, лучше спуститься вниз.
- А как? – спросил Кристофер Робин.

Об этом Винни–Пух как раз еще и не подумал. Если он выпустит из лап веревочку, он упадет и опять бумкнет. Эта мысль ему не

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

понравилась. Тогда он еще как следует подумал и потом сказал:

– Кристофер Робин, ты должен сбить шар из ружья. Ружье у тебя с собой?

– Понятно, с собой, – сказал Кристофер Робин. – Но если я выстрелю в шарик, он же испортится!

– А если ты не выстрелишь, тогда испорчусь я, – сказал Пух.

Конечно, тут Кристофер Робин сразу понял, как надо поступить. Он очень тщательно прицелился в шарик и выстрелил.

– Ой-ой-ой! – вскрикнул Пух.

– Разве я не попал? – спросил Кристофер Робин.

– Не то чтобы совсем не попал, – сказал Пух, – но только не попал в шарик!

– Прости, пожалуйста, – сказал Кристофер Робин и выстрелил снова.

На этот раз он не промахнулся. Воздух начал медленно выходить из шарика, и Винни-Пух плавно опустился на землю.

Правда, лапки у него совсем одеревенели, оттого что ему пришлось столько времени висеть, держась за веревочку. Целую неделю после этого происшествия он не мог ими пошевелить, и они так и торчали кверху. Если ему на нос садилась муха, ему приходилось сдвигать ее: "Пухх! Пуххх!"

И, может быть – хотя я в этом не уверен, – может быть, именно тогда-то его и называли Пухом.

– Сказке конец? – спросил Кристофер Робин.

– Конец этой сказке. А есть и другие.

– Про Пуха и про меня?

– И про Кролика, про Пятачка, и про всех остальных. Ты сам разве не помнишь?

– Помнить-то я помню, но когда хочу вспомнить, то забываю...

– Ну, например, однажды Пух и Пятачок решили поймать Слонопотама...

– А поймали они его?

– Нет.

– Где им! Ведь Пух совсем глупенький. А я его поймал?

– Ну, услышишь – узнаешь.

Кристофер Робин кивнул.

– Понимаешь, папа, я-то все помню, а вот Пух забыл, и ему очень-очень интересно послушать опять. Ведь это будет настоящая сказка, а не просто так... воспоминание.

– Вот и я так думаю.

Кристофер Робин глубоко вздохнул, взял медвежонка за заднюю лапу и поплелся к двери, волоча его за собой. У порога он обернулся и сказал:

– Ты придешь посмотреть, как я купаюсь?

– Наверно, – сказал папа.

– А ему не очень было больно, когда я попал в него из ружья?

– Ни капельки, – сказал папа.

Мальчик кивнул и вышел, и через минуту папа услышал, как Винни-Пух поднимается по лесенке: бум-бум-бум.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В КОТОРОЙ ВИННИ-ПУХ ПОШЕЛ В ГОСТИ, А ПОПАЛ В БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Как-то днем известный своим друзьям, а значит, теперь и вам, Винни-Пух (кстати, иногда для краткости его звали просто Пух) не спеша прогуливался по Лесу с довольно важным видом, ворча себе под нос новую песенку.

Ему было чем гордиться – ведь эту песенку-ворчалку он сам сочинил только сегодня утром, занимаясь, как обычно, утренней гимнастикой перед зеркалом. Надо вам сказать, что Винни-Пух очень хотел похудеть и потому старательно занимался гимнастикой. Он поднимался на носки, вытягивался изо всех сил и в это время пел так:

– Тара-тара-тара-ра!

А потом, когда он наклонялся, стараясь дотянуться передними лапками до носков, он пел так:

– Тара-тара-ой, караул, трам-пам-па!

Ну, вот так и сочинилась песенка-ворчалка, и после завтрака Винни все время повторял ее про себя, все ворчал и ворчал, пока не выучил ее всю наизусть. Теперь он знал ее всю от начала до конца. Слова в этой Ворчалке были приблизительно такие:

Тара-тара-тара-ра !

Трам-пам-пам-тарарам-пам-па !

Тири-тири-тири-ри,

Трам-пам-пам-тиририм-пим-пи !

И вот, ворча себе под нос эту Ворчалку и размышляя – а размышлял Винни-Пух о том, что было бы, если бы он, Винни, был не Винни-Пухом, а кем-нибудь совсем-совсем другим, – наш Винни незаметно дошел до песчаного откоса, в котором была большая дыра.

– Ага! – сказал Пух. (Трам-пам-пам-тирирам-пам-па!) – Если я что-нибудь в чем-нибудь понимаю, то дыра – это нора, а нора – это

Кролик, а Кролик – это подходящая компания, а подходящая компания – это такая компания, где меня чем-нибудь угостят и с

удовольствием послушают мою Ворчалку. И все такое прочее!

Тут он наклонился, сунул голову в нору и крикнул:

– Эй! Кто-нибудь дома?

Вместо ответа послышалась какая-то возня, а потом снова стало тихо.

– Я спросил: "Эй! Кто-нибудь дома?" – повторил Пух громко-громко.

– Нет! – ответил чей-то голос. – И незачем так орать, – прибавил он, – я и в первый раз прекрасно тебя понял.

– Простите! – сказал Винни-Пух. – А что, совсем-совсем никого нет дома?

– Совсем-совсем никого! – отвечал голос.

Тут Винни-Пух вытащил голову из норы и задумался.

Он подумал так: "Не может быть, чтобы там совсем-совсем никого не было! Кто-то там все-таки есть – ведь кто-нибудь должен же был сказать: "Совсем-совсем никого!"

Поэтому он снова наклонился, сунул голову в отверстие норы и сказал:

– Слушай, Кролик, а это не ты?

– Нет, не я! – сказал Кролик совершенно не своим голосом.

– А разве это не твой голос?

– По-моему, нет, – сказал Кролик. – По-моему, он совсем, ну ни капельки не похож! И не должен быть похож!

– Вот как? – сказал Пух.

Он снова вытащил голову наружу, еще раз задумался, а потом опять сунул голову обратно и сказал:

– Будьте так добры, скажите мне, пожалуйста, куда девался Кролик?

– Он пошел в гости к своему другу Винни-Пуху. Они, знаешь, какие с ним друзья!

Тут Винни-Пух прямо охнул от удивления.

– Так ведь это же я! – сказал он.

– Что значит "я"? "Я" бывают разные!

– Это "я" значит: это я, Винни-Пух!

На этот раз удивился Кролик. Он удивился еще больше Винни.

– А ты в этом уверен? – спросил он.

– Вполне, вполне уверен! – сказал Винни-Пух.

– Ну хорошо, тогда входи!

И Винни полез в нору. Он протискивался, протискивался, протискивался и наконец очутился там.

– Ты был совершенно прав, – сказал Кролик, осмотрев его с головы до ног. – Это действительно ты! Здравствуй, очень рад тебя видеть!

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– А ты думал, кто это?
– Ну, я думал, мало ли кто это может быть! Сам знаешь, тут, в Лесу нельзя пускать в дом кого попало! Осторожность никогда не повредит. Ну ладно. А не пора ли чем-нибудь подкрепиться?
Винни-Пух был всегда не прочь немного подкрепиться, в особенности часов в одиннадцать утра, потому что в это время завтрак уже давно окончился, а обед еще и не думал начинаться. И, конечно, он страшно обрадовался, увидев, что Кролик достает чашки и тарелки. А когда Кролик спросил "Тебе чего намазать – меду или сгущенного молока?" – Пух пришел в такой восторг, что выпалил: "И того и другого!" Правда, спохватившись, он, чтобы не показаться очень жадным, поскорее добавил: "А хлеба можно вообще не давать!"
И тут он замолчал и долго-долго ничего не говорил, потому что рот у него был ужасно занят.
А спустя долгое время, мурлыкая что-то сладким-сладким голосом – голос у него стал прямо-таки медовый! – Пух встал из-за стола, от всей души пожал Кролику лапу и сказал, что ему пора идти.
– Уже пора? – вежливо спросил Кролик.
Нельзя ручаться, что он не подумал про себя: "Не очень-то вежливо уходить из гостей сразу, как только ты наелся". Но вслух он этого не сказал, потому что он был очень умный Кролик.
Вслух он спросил:
– Уже пора?
– Ну, – замялся Пух, – я мог бы побыть еще немного, если бы ты... если бы у тебя... – запинаясь он и при этом почему-то не сводил глаз с буфета.
– По правде говоря, – сказал Кролик, – я сам собирался пойти погулять.
– А-а, ну хорошо, тогда и я пойду. Всего хорошего.
– Ну, всего хорошего, если ты больше ничего не хочешь.
– А разве еще что-нибудь есть? – с надеждой спросил Пух, снова оживляясь.
Кролик заглянул во все кастрюли и банки и со вздохом сказал:
– Увы, совсем ничего не осталось!
– Я так и думал, – сочувственно сказал Пух, покачав головой. – Ну, до свиданья, мне пора идти.
И он полез из норы. Он изо всех сил тянул себя передними лапками и изо всей мочи толкал себя задними лапками, и спустя некоторое время на воле оказался его нос... потом уши... потом передние лапы... потом плечи... а потом... А потом Винни-Пух закричал:
– Ай, спасите! Я лучше полезу назад!
Еще потом он закричал:
– Ай, помогите! Нет, уж лучше вперед!
И, наконец, он завопил отчаянным голосом:
– Ай-ай-ай, спасите-помогите! Не могу ни взад ни вперед!
Тем временем Кролик, который, как мы помним, собирался пойти погулять, видя, что парадная дверь забита, выбежал наружу черным ходом и, обежав кругом, подошел к Пуху.
– Ты что – застрял? – спросил он.
– Не-ет, я просто отдыхаю, – ответил Пух, стараясь говорить веселым голосом. – Просто отдыхаю думаю кой о чем и пою песенку...
– Ну-ка, дай мне лапу, – строго сказал Кролик.
Винни-Пух протянул ему лапу, и Кролик стал его тащить.
Он тащил и тащил, он тянул и тянул, пока Винни не акричал:
– Ой-ой-ой! Больно!
– Теперь все ясно, – сказал Кролик, – ты застрял.
– Все из-за того, – сердито сказал Пух, – что выход слишком узкий!
– Нет, все из-за того, что кто-то пожадничал! – строго сказал Кролик. – За столом мне все время казалось, хотя из вежливости я этого не говорил, что кто-то слишком много ест! И я твердо знал, что этот "кто-то" – не я! Делать нечего, придется сбежать за Кристофером Робин.
Кристофер Робин, друг Винни-Пуха и Кролика, жил, как вы помните, совсем в другом конце Леса. Но он сразу же прибежал на помощь и, когда увидел переднюю половину Винни-Пуха, сказал: "Ах ты, глупенький мой мишка!" – таким ласковым голосом, что у всех сразу стало легче на душе.
– А я как раз начал думать, – сказал Винни, слегка хлюпая носом, – что вдруг бедному Кролику уже никогда-никогда не придется ходить через парадную дверь... Я бы тогда очень-очень огорчился...
– Я тоже, – сказал Кролик.
– Не придется ходить через парадную дверь? – переспросил Кристофер Робин. – Почему? Пожалуй, придется...
– Ну вот и хорошо, – сказал Кролик.
– Пожалуй, придется толкнуть тебя в нору, если мы не сможем тебя вытащить, – закончил Кристофер Робин.
Тут Кролик задумчиво почесал за ухом и сказал, что ведь если Винни-Пуха толкнуть в нору, то он там останется навсегда. И что хотя он, Кролик, всегда безумно рад видеть Винни-Пуха, но все-таки, что ни говори, одним полагается жить на земле, а другим под землей, и...
– По-твоему, я теперь никогда-никогда не выйду на волю? – спросил Пух жалобно.
– По-моему, если ты уже наполовину вылез, жаль останавливаться на полпути, – сказал Кролик.
Кристофер Робин кивнул головой.
– Выход один, – сказал он, – нужно подождать, пока ты опять похудеешь.
– А долго мне нужно худеть? – испуганно спросил Пух.
– Да так, с недельку.
– Ой, да не могу же я торчать тут целую неделю!
– Торчать-то ты как раз отлично можешь, глупенький мой мишка. Вот вытащить тебя отсюда – это дело похитрее!
– Не горюй, мы будем читать тебе вслух! – весело воскликнул Кролик. – Только бы снег не пошел... Да, вот еще что, – добавил он, – ты, дружок, занял у меня почти всю комнату... Можно, я буду вешать полотенца на твои задние ноги? А то они торчат там совершенно зря, а из них выйдет чудесная вешалка для полотенец!
– Ой-ой-ой, це-е-лу-ю неделю! – грустно сказал Пух. – А как же обедать?!
– Обедать, дорогой мой, не придется! – сказал Кристофер Робин. – Ведь ты должен скорей похудеть! Вот читать вслух – это мы тебе обещаем!
Медвежонок хотел вздохнуть, но не смог – настолько крепко он застрял. Он уронил слезинку и сказал:
– Ну, уж вы тогда хотя бы читайте мне какую-нибудь удобоваримую книгу, которая может поддержать и утешить несчастного медвежонка в безвыходном положении...
И вот целую неделю Кристофер Робин читал вслух именно такую удобоваримую, то есть понятную и интересную, книжку возле Северного Края Пуха, а Кролик вешал выстиранное белье на его Южный Край... И тем временем Пух становился все тоньше, и тоньше, и тоньше.
А когда неделя кончилась, Кристофер Робин сказал:
– Пора!
Он ухватился за передние лапы Пуха, Кролик ухватился за Кристофера Робина, а все Родные и Знакомые Кролика (их было ужасно много!) ухватились за Кролика и стали тащить изо всей мочи.
И сперва Винни-Пух говорил одно слово:
– Ой!
А потом другое слово:
– Ох!
И – совсем-совсем вдруг – он сказал:
– Хлоп! – точь-в-точь как говорит пробка, когда она вылетает из бутылки.
Тут Кристофер Робин, и Кролик, и все Родные и Знакомые Кролика сразу полетели вверх тормашками! Получилась настоящая куча мала.
А на вершине этой кучи очутился Винни-Пух – свободный!
Винни-Пух важно кивнул всем своим друзьям в знак благодарности и с важным видом отправился гулять по Лесу, напевая свою песенку. А Кристофер Робин посмотрел ему вслед и ласково прошептал:
– Ах ты, глупенький мой мишка!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В КОТОРОЙ ПУХ И ПЯТАЧОК ОТПРАВИЛИСЬ НА ОХОТУ И ЧУТЬ-ЧУТЬ НЕ ПОЙМАЛИ БУКУ

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Лучший друг Винни–Пуха, крошечный поросенок, которого звали Пятачок, жил в большом–пребольшом доме, в большом–пребольшом дереве. Дерево стояло в самой середине Леса, дом был в самой середине дерева, а Пятачок жил в самой середине дома. А рядом с домом стоял столбик, на котором была прибита поломанная доска с надписью, и тот, кто умел немножко читать, мог прочесть:

Посторонним В.

Больше никто ничего не мог прочесть, даже тот, кто умел читать совсем хорошо.

Как–то Кристофер Робин спросил у Пятачка, что тут, на доске, написано. Пятачок сразу же сказал, что тут написано имя его дедушки и что эта доска с надписью – их фамильная реликвия, то есть семейная драгоценность.

Кристофер Робин сказал, что не может быть такого имени – Посторонним В., а Пятачок ответил, что нет, может, нет, может, потому что дедушку же так звали! И "В" – это просто сокращение, а полностью дедушку звали Посторонним Вилли, а это тоже сокращение имени Вильям Посторонним.

– У дедушки было два имени, – пояснил он, – специально на тот случай, если он одно где–нибудь потеряет.

– Подумаешь! У меня тоже два имени, – сказал Кристофер Робин.

– Ну вот, что я говорил! – сказал Пятачок. – Значит, я прав!

Был чудесный зимний день. Пятачок, разметавший снег у дверей своего дома, поднял голову и увидел не кого иного, как Винни–Пуха. Пух медленно шел куда–то, внимательно глядя себе под ноги, и так глубоко задумался, что, когда Пятачок окликнул его, он и не подумал остановиться.

– Эй, Пух! – закричал Пятачок. – Здорово, Пух! Ты что там делаешь?

– Охочусь! – сказал Пух.

– Охотишься? На кого?

– Выслеживаю кого–то! – таинственно ответил Пух.

Пятачок подошел к нему поближе:

– Выслеживаешь? Кого?

– Вот как раз об этом я все время сам себя спрашиваю, – сказал Пух. – В этом весь вопрос: кто это?

– А как ты думаешь, что ты ответишь на этот вопрос?

– Придется подождать, пока я с ним встречу, – сказал Винни–Пух. – Погляди–ка сюда. – Он показал на снег прямо перед собой. – Что ты тут видишь?

– Следы, – сказал Пятачок. – Отпечатки лап! – Пятачок даже взвизгнул от волнения. – Ой, Пух! Ты думаешь... это... это... страшный Бука?!

– Может быть, – сказал Пух. – Иногда как будто он, а иногда как будто и не он. По следам разве угадаешь?

Он замолчал и решительно зашагал вперед по следу, а Пятачок, помедлив минутку–другую, побежал за ним.

Внезапно Винни–Пух остановился и нагнулся к земле.

– В чем дело? – спросил Пятачок.

– Очень странная вещь, – сказал медвежонок. – Теперь тут, кажется, стало два зверя. Вот к этому – Неизвестно Кому – подошел другой – Неизвестно Кто, и они теперь гуляют вдвоем. Знаешь чего, Пятачок? Может быть, ты пойдешь со мной, а то вдруг это окажутся Злые Звери?

Пятачок мужественно почесал за ухом и сказал, что до пятницы он совершенно свободен и с большим удовольствием пойдет с Пухом, в особенности если там Настоящий Бука.

– Ты хочешь сказать, если там два Настоящих Буки, – уточнил Винни–Пух, а Пятачок сказал, что это все равно, ведь до пятницы ему совершенно нечего делать.

И они пошли дальше вместе.

Следы шли вокруг маленькой ольховой рощицы... и, значит, два Буки, если это были они, тоже шли вокруг рощицы, и, понятно, Пух и Пятачок тоже пошли вокруг рощицы.

По пути Пятачок рассказывал Винни–Пуху интересные истории из жизни своего дедушки Посторонним В. Например, как этот дедушка лечился от ревматизма после охоты и как он на склоне лет начал страдать одышкой, и всякие другие занятные вещи.

А Пух все думал, как же этот дедушка выглядит. И ему пришло в голову, что вдруг они сейчас охотятся как раз на двух дедушек, и интересно, если они поймают этих дедушек, можно ли будет взять хоть одного домой и держать его у себя, и что, интересно, скажет по этому поводу Кристофер Робин.

А следы все шли и шли перед ними...

Вдруг Винни–Пух снова остановился как вкопанный.

– Смотри! – закричал он шепотом и показал на снег.

– Куда? – тоже шепотом закричал Пятачок и подскочил от страха. Но, чтобы показать, что он подскочил не от страха, а просто так, он тут же подпрыгнул еще разика два, как будто ему просто захотелось попрыгать.

– Следы, – сказал Пух. – Появился третий зверь!

– Пух, – взвизгнул Пятачок, – ты думаешь, это еще один Бука?

– Нет, не думаю, – сказал Пух, – потому что следы совсем другие... Это, может быть, два Буки, а один, скажем... скажем, Бяка... Или же, наоборот, два Бяки, а один, скажем... скажем, Бука... Надо идти за ними, ничего не поделаешь.

И они пошли дальше, начиная немного волноваться, потому что ведь эти три Неизвестных Зверя могли оказаться Очень Страшными Зверями.

И Пятачку ужасно хотелось, чтобы его милый Дедушка Посторонним В. был бы сейчас тут, а не где–то в неизвестном месте... А Пух думал о том, как было бы хорошо, если бы они вдруг, совсем–совсем случайно, встретили Кристофера Робина, – конечно, просто потому, что он, Пух, так любит Кристофера Робина!..

И тут совершенно неожиданно Пух остановился в третий раз и облизал кончик своего носа, потому что ему вдруг стало страшно жарко.

Перед ними были следы четырех зверей!

– Гляди, гляди, Пятачок! Видишь? Стало три Буки и один Бяка! Еще один Бука прибавился!..

Да, по–видимому, так и было! Следы, правда, немного путались и перекрещивались друг с другом, но, совершенно несомненно, это были следы четырех комплектов лап.

– Знаешь что? – сказал Пятачок, в свою очередь, облизав кончик носа и убедившись, что это очень мало помогает. – Знаешь что? По–моему, я что–то вспомнил. Да, да! Я вспомнил об одном деле, которое я забыл сделать вчера, а завтра уже не успею... В общем, мне нужно скорее пойти домой и сделать это дело.

– Давай сделаем это после обеда, – сказал Пух, – я тебе помогу.

– Да, понимаешь, это не такое дело, которое можно сделать после обеда, – поскорее сказал Пятачок. – Это такое специальное утреннее дело. Его обязательно надо сделать утром, лучше всего часов в... Который час, ты говорил?

– Часов двенадцать, – сказал Пух, посмотрев на солнце.

– Вот, вот, как ты сам сказал, часов в двенадцать. Точнее, от двенадцати до пяти минут первого! Так что ты уж на меня не обижайся, а я...

Ой, мама! Кто там?

Пух посмотрел на небо, а потом, снова услышав чей–то свист, взглянул на большой дуб и увидел кого–то на ветке.

– Да это же Кристофер Робин! – сказал он.

– А–а, ну тогда все в порядке, – сказал Пятачок, – с ним тебя никто не тронет. До свиданья!

И он побежал домой что было духу, ужасно довольный тем, что скоро окажется в полной безопасности.

Кристофер Робин не спеша слез с дерева.

– Глупенький мой мишка, – сказал он, – чем это ты там занимался? Я смотрю, сначала ты один обошел два раза вокруг этой рощицы, потом Пятачок побежал за тобой, и вы стали ходить вдвоем... Сейчас, по–моему, вы собирались обойти ее в четвертый раз по своим собственным следам!..

– Минутку, – сказал Пух, подняв лапу.

Он присел на корточки и задумался – глубоко–глубоко. Потом он приложил свою лапу к одному следу... Потом он два раза почесал за ухом и поднялся.

– Н–да... – сказал он. – Теперь я понял, – добавил он. – Я даже не знал, что я такой глупый простофиля! – сказал Винни–Пух. – Я самый бестолковый медвежонок на свете!

– Что ты! Ты самый лучший медвежонок на свете! – утешил его Кристофер Робин.

– Правда? – спросил Пух.

Он заметно утешился. И вдруг он совсем просиял:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Что ни говори, а уже пора обедать, – сказал он. И он пошел домой обедать.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В КОТОРОЙ ИА–ИА ТЕРЯЕТ ХВОСТ, А ПУХ НАХОДИТ

Старый серый ослик Иа–Иа стоял один–одинешенек в заросшем чертополохом уголке Леса, широко расставив передние ноги и свесив голову набок, и думал о Серьезных Вещах. Иногда он грустно думал: "Почему?", а иногда: "По какой причине?", а иногда он думал даже так: "Какой же отсюда следует вывод?" И неудивительно, что порой он вообще переставал понимать, о чем же он, собственно, думает.

Поэтому, сказать вам по правде, услышав тяжелые шаги Винни–Пуха, Иа очень обрадовался, что может на минутку перестать думать и просто поздороваться.

– Как самочувствие? – по обыкновению уныло спросил он.

– А как твое? – спросил Винни–Пух.

Иа покачал головой.

– Не очень как! – сказал он. – Или даже совсем никак. Мне кажется, я уже очень давно не чувствовал себя как.

– Ай–ай–ай, – сказал Пух, – очень грустно! Дай–ка я на тебя посмотрю.

Иа–Иа продолжал стоять, понуро глядя в землю, и Винни–Пух обошел вокруг него.

– Ой, что это случилось с твоим хвостом? – спросил он удивленно.

– А что с ним случилось? – сказал Иа–Иа.

– Его нет!

– Ты не ошибся?

– Хвост или есть, или его нет. По–моему, тут нельзя ошибиться. А твоего хвоста нет.

– А что же тогда там есть?

– Ничего.

– Ну–ка, посмотрим, – сазал Иа–Иа.

И он медленно повернулся к тому месту, где недавно был его хвост; затем, заметив, что ему никак не удастся его догнать, он стал поворачиваться в обратную сторону, пока не вернулся туда, откуда начал, а тогда он опустил голову и посмотрел снизу и наконец сказал, глубоко и печально вздыхая:

– Кажется, ты прав.

– Конечно, я прав, – сказал Пух.

– Это вполне естественно, – грустно сказал Иа–Иа. – Теперь все понятно. Удивляться не приходится.

– Ты, наверно, его где–нибудь позабыл, – сказал Винни–Пух.

– Наверно, его кто–нибудь уташил... – сказал Иа–Иа. – Чего от них ждать! – добавил он после большой паузы.

Пух чувствовал, что он должен сказать что–нибудь полезное, но не мог придумать, что именно. И он решил вместо этого сделать что–нибудь полезное.

– Иа–Иа, – торжественно произнес он, – я, Винни–Пух, обещаю тебе найти твой хвост.

– Спасибо, Пух, – сказал Иа. – Ты настоящий друг. Не то что некоторые!

И Винни–Пух отправился на поиски хвоста.

Он вышел в путь чудесным весенним утром. Маленькие прозрачные облачка весело играли на синем небе. Они то набегали на солнышко, словно хотели его закрыть, то поскорее убежали, чтобы дать и другим побаловаться.

А солнце весело светило, не обращая на них никакого внимания, и сосна, которая носила свои иголки круглый год не снимая, казалась старой и потрепанной рядом с березками, надевшими новые зеленые кружева. Винни шагал мимо сосен и елок, шагал по склонам, заросшим можжевельником и репейником, шагал по крутым берегам ручьев и речек, шагал среди груд камней и снова среди зарослей, и вот наконец, усталый и голодный, он вошел в Дремучий Лес, потому что именно там, в Дремучем Лесу, жила Сова.

"А если кто–нибудь что–нибудь о чем–нибудь знает, – сказал медвежонок про себя, – то это, конечно, Сова. Или я не Винни–Пух, – сказал он. – А я – он, – добавил Винни–Пух. – Значит, все в порядке!"

Сова жила в великолепном замке "Каштаны". Да, это был не дом, а настоящий замок. Во всяком случае, так казалось медвежонку, потому что на двери замка был и звонок с кнопкой, и колокольчик со шнурком. Под звонком было прибито объявление:

ПРОШУ НАЖАТЬ ЭСЛИ НЕ АТКРЫВАЮТ

А под колокольчиком другое объявление:

ПРОШУ ПАДЕРГАТЬ ЭСЛИ НЕ АТКРЫВАЮТ

Оба эти объявления написал Кристофер Робин, который один во всем Лесу умел писать. Даже Сова, хотя она была очень–очень умная и умела читать и даже подписывать свое имя – С а в а, и то не сумела бы правильно написать такие трудные слова.

Винни–Пух внимательно прочел оба объявления, сначала слева направо, а потом – на тот случай, если он что–нибудь пропустил, – справа налево.

Потом, для верности, он нажал кнопку звонка и постучал по ней, а потом он подергал шнурок колокольчика и крикнул очень громким голосом:

– Сова! Открывай! Пришел Медведь.

Дверь открылась, и Сова выглянула наружу.

– Здравствуй, Пух, – сказала она. – Какие новости?

– Грустные и ужасные, – сказал Пух, – потому что Иа–Иа, мой старый друг, потерял свой хвост, и он очень убивается о нем. Будь так добра, скажи мне, пожалуйста, как мне его найти?

– Ну, – сказала Сова, – обычная процедура в таких случаях нижеследующая...

– Что значит Бычья Цедура? – сказал Пух. – Ты не забывай, что у меня в голове опилки и длинные слова меня только огорчают.

– Ну, это означает то, что надо сделать.

– Пока она означает это, я не возражаю, – смиренно сказал Пух.

– А сделать нужно следующее: во–первых, сообщи в прессу. Потом...

– Будь здорова, – сказал Пух, подняв лапу. – Так что мы должны сделать с этой... как ты сказала? Ты чихнула, когда собиралась сказать.

– Я не чихала.

– Нет, Сова, ты чихнула.

– Прости, пожалуйста, Пух, но я не чихала. Нельзя же чихнуть и не знать, что ты чихнул.

– Ну и нельзя знать, что кто–то чихнул, когда никто не чихал.

– Я начала говорить: сперва сообщи...

– Ну вот ты опять! Будь здорова, – грустно сказал Винни–Пух.

– Сообщи в печать, – очень громко и внятно сказала Сова. – Дай в газету объявление и пообещай награду. Надо написать, что мы дадим что–нибудь хорошенькое тому, кто найдет хвост Иа–Иа.

– Понятно, понятно, – сказал Пух, кивая головой. – Кстати, насчет "чего–нибудь хорошенького", – продолжал он сонно, – я обычно как раз в это время не прочь бы чем–нибудь хорошенько подкре... – И он покосился на буфет, стоявший в углу комнаты Совы. – Скажем, ложечкой сгущенного молока или еще чем–нибудь, например, одним глоточком меду...

– Ну вот, – сказала Сова, – мы, значит, напишем наше объявление, и его расклеят по всему Лесу.

"Ложечка меду, – пробормотал медвежонок про себя, – или... или уж нет, на худой конец".

И он глубоко вздохнул и стал очень стараться слушать то, что говорила Сова.

А Сова говорила и говорила какие–то ужасно длинные слова, и слова эти становились все длиннее и длиннее... Наконец она вернулась туда, откуда начала, и стала объяснять, что написать это объявление должен Кристофер Робин.

– Это ведь он написал объявления на моей двери. Ты их видел, Пух?

Пух уже довольно давно говорил по очереди то "да", то "нет" на все, что бы ни сказала Сова. И так как в последний раз он говорил "да, да", то на этот раз он сказал: "Нет, нет, никогда!" – хотя не имел никакого понятия, о чем идет речь.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Как, ты их не видел? – спросила Сова, явно удивившись. – Пойдем посмотрим на них.

Они вышли наружу, и Пух посмотрел на звонок и на объявление под ним и взглянул на колокольчик и шнурок, который шел от него, и чем больше он смотрел на шнурок колокольчика, тем больше он чувствовал, что он где-то видел что-то очень похожее... Где-то совсем в другом месте, когда-то раньше...

– Красивый шнурок, правда? – сказала Сова.

Пух кивнул.

– Он мне что-то напоминает, – сказал он, – но я не могу вспомнить что. Где ты его взяла?

– Я как-то шла по лесу, а он висел на кустике, и я сперва подумала, что там кто-нибудь живет, и позвонила, и ничего не случилось, а потом я позвонила очень громко, и он оторвался, и, так как он, по-моему, был никому не нужен, я взяла его домой и...

– Сова, – сказал Пух торжественно, – он кому-то очень нужен.

– Кому?

– Иа. Моему дорогому другу Иа–Иа. Он... он очень любил его.

– Любил его?

– Был привязан к нему, – грустно сказал Винни–Пух.

С этими словами он снял шнурок с крючка и отнес его хозяину, то есть Иа, а когда Кристофер Робин прибил хвост на место, Иа–Иа принялся носиться по Лесу, с таким восторгом размахивая хвостом, что у Винни–Пуха защекотало во всем теле и ему пришлось поскорее побежать домой и немножко подкрепиться.

Спустя полчаса, утирая губы, он гордо спел:

Кто нашел хвост ?

Я, Винни-Пух !

Около двух

(Только по-правдашнему было около одиннадцати !)

Я нашел хвост !

ГЛАВА ПЯТАЯ

В КОТОРОЙ ПЯТАЧОК ВСТРЕЧАЕТ СЛОНОПОТАМА

Однажды, когда Кристофер Робин, Винни–Пух и Пятачок сидели и мирно беседовали, Кристофер Робин проглотил то, что у него было во рту, и сказал, как будто между прочим:

– Знаешь, Пятачок, а я сегодня видел Слонопотама.

– А чего он делал? – спросил Пятачок.

Можно было подумать, что он ни капельки не удивился!

– Ну, просто слонялся, – сказал Кристофер Робин, – По-моему, он меня не видел.

– Я тоже одного как-то видел, – сказал Пятачок. – По-моему, это был он. А может, и нет.

– Я тоже, – сказал Пух, недоумевая. "Интересно, кто же это такой Слонопотам?" – подумал он.

– Их не часто встретишь, – небрежно сказал Кристофер Робин.

– Особенно сейчас, – сказал Пятачок.

– Особенно в это время года, – сказал Пух.

Потом они заговорили о чем-то другом, и вскоре пришла пора Пуху и Пятачку идти домой. Они пошли вместе. Сперва, пока они плелись по тропинке на краю Дремучего Леса, оба молчали; но когда они дошли до речки и стали помогать друг другу перебираться по камушкам, а потом бок о бок пошли по узкой тропке между кустов, у них завязался Очень Умный Разговор. Пятачок говорил: "Понимаешь, Пух, что я хочу сказать?" А Пух говорил: "Я и сам так, Пятачок, думаю". Пятачок говорил: "Но с другой стороны, Пух, мы не должны забывать". А Пух отвечал: "Совершенно верно, Пятачок. Не понимаю, как я мог упустить это из виду".

И вот, как раз когда они дошли до Шести Сосен, Пух оглянулся кругом и, убедившись, что никто не подслушивает, сказал весьма торжественным тоном:

– Пятачок, я что-то придумал.

– Что ты придумал, Пух?

– Я решил поймать Слонопотама.

Сказав это, Винни–Пух несколько раз подряд кивнул головой. Он ожидал, что Пятачок скажет: "Ну да!", или: "Да ну?", или: "Пух, не может быть!", или сделает какое-нибудь другое полезное замечание в этом духе, но Пятачок ничего не сказал.

По правде говоря, Пятачок огорчился, что не ему первому пришла в голову эта замечательная мысль.

– Я думаю поймать его, – сказал Пух, подождав еще немножко. – в западню. И это должна быть очень Хитрая Западня, так что тебе придется помочь мне, Пятачок.

– Пух, – сказал Пятачок, немедленно утешившись и почувствовав себя вполне счастливым, – я тебе, конечно, помогу. – А потом он сказал: – А как мы это сделаем?

И Пух сказал:

– В этом-то вся соль: как?

Они сели, чтобы обдумать свое предприятие.

Первое, что пришло Пуху в голову, – вырыть Очень Глубокую Яму, а потом Слонопотам пойдет гулять и упадет в эту яму, и...

– Почему? – спросил Пятачок.

– Что- почему? – сказал Пух.

– Почему он туда упадет?

Пух потер нос лапой и сказал, что, ну, наверно, Слонопотам будет гулять, мурлыкая себе под нос песенку и поглядывая на небо – не пойдет ли дождик, вот он и не заметит Очень Глубокой Ямы, пока не полетит в нее, а тогда ведь будет уже поздно.

Пятачок сказал, что это, конечно, очень хорошая Западня, но что, если дождик уже будет идти?

Пух опять почесал свой нос и сказал, что он об этом не подумал. Но тут же просиял и сказал, что, если дождь уже будет идти, Слонопотам может посмотреть на небо, чтобы узнать, скоро ли дождь перестанет, вот он опять и не заметит Очень Глубокой Ямы, пока не полетит в нее!.. А ведь тогда будет уже поздно.

Пятачок сказал, что теперь все ясно, и, по его мнению, это очень-очень Хитрая Западня.

Пух был весьма польщен, услышав это, и почувствовал, что Слонопотам уже все равно что пойман.

– Но, – сказал он, – осталось обдумать только одно, а именно: где надо выкопать Очень Глубокую Яму?

Пятачок сказал, что лучше всего выкопать яму перед самым носом Слонопотама, как раз перед тем, как он в нее упадет.

– Но ведь он тогда увидит, как мы ее будем копать, – сказал Пух.

– Не увидит! Ведь он будет смотреть на небо!

– А вдруг он случайно посмотрит вниз? – сказал Пух. – Тогда он может обо всем догадаться...

Он долго размышлял, а потом грустно добавил:

– Да, это не так просто, как я думал. Наверно, поэтому Слонопотамы так редко попадаются...

– Наверно, поэтому, – согласился Пятачок.

Они вздохнули и поднялись, а потом, вытащив друг из друга немножко колючек, опять сели, и все это время Пух говорил себе: "Эх, эх, если бы только я умел думать!.." Винни в глубине души был уверен, что поймать Слонопотама можно, надо только, чтобы у охотника в голове был настоящий ум, а не опилки...

– Предположим, – сказал он Пятачку, – ты бы хотел поймать меня. Как бы ты за это взялся?

– Ну, – сказал Пятачок, – я бы вот как сделал: я бы сделал западню, и я бы поставил туда приманку – горшок меду. Ты бы его учуял и полез бы за ним, и...

– Да, я бы полез за ним туда, – взволнованно сказал Пух, – только очень осторожно, чтобы не ушибиться, и я бы взял этот горшок с медом, и сперва я бы облизал только края, как будто там больше меда нет, понимаешь, а там отошел бы в сторону и подумал о нем немножко, а потом я бы вернулся и начал бы лизать с самой середины горшка, а потом...

– Ну ладно, успокойся, успокойся. Главное – ты был бы в ловушке, и я бы мог тебя поймать. Так вот, первым делом надо подумать о том, что любят Слонопотамы. По-моему, желуди, верно? У нас сейчас их очень много... Эй, Пух, очнись!

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Пух, который тем временем совсем размечтался о меде, очнулся и даже подскочил и сказал, что мед гораздо приманочней, чем желуди. Пятачок был другого мнения, и они чуть было не поспорили об этом; но Пятачок вовремя сообразил, что если они будут класть в ловушку желуди, то желуди придется собирать ему, Пятачку, а если они положат туда мед, то его достанет Пух. Поэтому он сказал: "Очень хорошо, значит, мед!" – в тот самый момент, когда Пух тоже об этом подумал и собирался сказать: "Очень хорошо, значит, желуди".

– Значит, мед, – повторил Пятачок для верности. – Я выкопаю яму, а ты сходишь за медом.

– Отлично, – сказал Пух и побрел домой.

Придя домой, он подошел к буфету, влез на стул и достал с верхней полки большой–пребольшой горшок меду. На горшке было написано "М и о т", но, чтобы удостовериться окончательно, Винни–Пух снял с него бумажную крышку и заглянул внутрь. Там действительно был мед.

– Но ручаться нельзя, – сказал Пух. – Я помню, мой дядя как–то говорил, что он однажды видел сыр точь–в–точь такого же цвета.

Винни сунул в горшок мордочку и как следует лизнул.

– Да, – сказал он, – это он. Сомневаться не приходится. Полный горшок меду. Конечно, если только никто не положил туда на дно сыру – просто так, шутки ради. Может быть, мне лучше немного углубиться... на случай... На тот случай, если Слонопотамы не любят сыру... как и я... Ах! – И он глубоко вздохнул. – Нет, я не ошибся. Чистый мед сверху донизу!

Окончательно убедившись в этом, Пух понес горшок к западне, и Пятачок, выглянув из Очень Глубокой Ямы, спросил: "Принес?" А Пух сказал: "Да, но он не совсем полный". Пятачок заглянул в горшок и спросил: "Это все, что у тебя осталось?" А Пух сказал: "Да", потому что это была правда.

И вот Пятачок поставил горшок на дно Ямы, вылез оттуда, и они пошли домой.

– Ну, Пух, спокойной ночи, – сказал Пятачок, когда они подошли к дому Пуха. – А завтра утром в шесть часов мы встретимся у Сосен и посмотрим, сколько мы наловили Слонопотамов.

– До шести, Пятачок. А веревка у тебя найдется?

– Нет. А зачем тебе понадобилась веревка?

– Чтобы отвести их домой.

– Ох... А я думал, Слонопотамы идут на свист.

– Некоторые идут, а некоторые нет. За Слонопотамов ручаться нельзя. Ну, спокойной ночи!

– Спокойной ночи!

[Далее...](#)